

Научная статья

УДК 811.512.5, 811.512.3, 81'373

DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

Половозрастные номинации крупного рогатого скота в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками

Надежда Ивановна Данилова¹
Федор Николаевич Дьячковский²

^{1, 2} Институт гуманитарных исследований
и проблем малочисленных народов Севера
Сибирского отделения Российской академии наук
Якутск, Россия

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Аннотация

Представлен результат анализа половозрастных наименований крупного рогатого скота (далее – КРС) в якутском языке в сопоставлении с другими тюркскими и монгольскими языками. Сравнительно-сопоставительное исследование названий КРС в якутском языке выявило их лексические параллели в сравниваемых языках. В исследовании рассмотрены 17 наименований КРС, которые различаются по полу, возрасту и плодовитости. Из них 10 имеют параллели в тюркских и монгольских языках, которые используются в якутском языке. Большинство этих слов восходят к общеалтайской основе, что указывает на активное взаимодействие между народами, говорящими на этих языках.

Лексика, связанная с базовой материальной культурой, включая животноводство, представляет научный интерес в плане выявления универсальных закономерностей развития лексических единиц.

Ключевые слова:

якутский язык, тюркские и монгольские языки, лексика, номинация, пол, возраст крупного рогатого скота, молодняк

Благодарности

Статья подготовлена при финансовой поддержке РНФ, проект № 22-18-00060 «Исследование тюркской и монгольской лексики материальной культуры, связанной с традиционным скотоводством: сравнительно-исторический аспект»

Для цитирования

Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н. Половозрастные номинации крупного рогатого скота в якутском языке в сравнении с тюркскими и монгольскими языками // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 64–75. DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

© Данилова Н. И., Дьячковский Ф. Н., 2025

ISSN 1818-7919

Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2025. Т. 24, № 9: Филология. С. 64–75

Vestnik NSU. Series: History and Philology, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 64–75

Age and Gender-Based Nominations for Cattle in the Yakut Language in Comparison with Turkic and Mongolian Languages

Nadezda I. Danilova¹, Fedor N. Diachkovskiy²

^{1,2} Institute for Humanities Research
and Problems of Indigenous Peoples of the North
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Yakutsk, Russian Federation

¹ nadiv2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3542-8448>

² fedjatschkov0801@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8132-4215>

Abstract

The paper analyses naming cattle regarding their age and sex in Yakut in comparison to other Turkic and Mongolic languages. The historical-comparative study of Yakut cattle terms representing an early layer of native vocabulary revealed their lexical parallels in Turkic and Mongolic languages. Ten of seventeen analyzed Yakut word stems have Turkic and Mongolic parallels: *ынах* 'cow', *оҕус* 'an adult male, bull', *ньирэй* 'calf', *торбос* 'calf during its first summer after birth', *бороон/борооску* 'calf during its first winter', *бургунас* 'heifer, a young female before she has had a calf of her own under three years of age', *кунан* 'a young male of 3 to 4 yrs. of age', *субай (субан)* 'a dry cow', *быос* 'a springer' (of cow), *in-foal (of mare)*, *pregnant (of some female animals)*, *утурум* 'a cow that has had calves for a few years in a row'. The other seven are of Turkic origin: *тыһаҕас* '2 yrs. old female or male', *тингэһэ* 'young cattle during the third year of age', *субан* 'a dry cow', *кытарак* 'dry', *уулаах* 'a springer' (of cow), *in-foal (of mare)*, *pregnant (of some female animals)*, *тунгуй* 'a young female that she has had its first calf'. Investigation of native vocabulary of material culture, including that related to animal husbandry, is of great scientific interest and potential.

Keywords

Yakut, Turkic and Mongolic languages, vocabulary, naming, sex and age of cattle, young cattle

Acknowledgments

The research was carried out as part of the Russian Science Foundation, project no. 22-18-00060 "Investigation of Turkic and Mongolic vocabulary of material culture associated with traditional cattle breeding: a comparative historical aspect"

For citation

Danilova N. I., Diachkovskiy F. N. Age and Gender-Based Nominations for Cattle in the Yakut Language in Comparison with Turkic and Mongolian Languages. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2025, vol. 24, no. 9: Philology, pp. 64–75. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2025-24-9-64-75

Введение

Исследователями давно замечено, что между языками алтайской семьи языков существует значительная общность как в лексике, так и в грамматике. Особенно большое сходство отмечено в тематических группах животноводческой лексики тюркских и монгольских языков, что обусловлено длительными историческими и, следовательно, культурными и языковыми контактами их носителей.

Для тюркских и монгольских народов ведущей отраслью хозяйства и основой быта служило животноводство, и неудивительно, что оно дало богатую сильно дифференцированную терминологию с обилием древних корней и основ. Наличие большого количества лексического материала по данной тематике обусловило появление специальных работ, посвященных ее изучению в сравнительно-сопоставительном, сравнительно-историческом и этимологическом аспектах.

Из современных работ следует отметить исследования известного монголоведа и тюрколога В. И. Рассадина по проблеме сложения тюрко-монгольской языковой общности. Большое внимание он уделил взаимному лексическому влиянию данных языков, в том числе, в области номадной лексики [Рассадин, 2009]. Монография В. И. Рассадина «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках» посвящена проблеме фонетического, морфологического и лексического освоения монголизмов в сибирских тюркских языках. Здесь монгольские заимствования были «тщательнейшим образом выбраны из огромного

количества тюрко-монгольских соответствий» [Рассадин, 2008, с. 91]. Обратному, т. е. тюркскому, влиянию на лексику монгольских языков была посвящена его статья «О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков». Здесь исследователь пришел к выводу, что «номадная лексика монгольских языков достаточно хорошо сохраняет тюркские соответствующие термины» [Рассадин, 2009, с. 163].

Среди сравнительных исследований лексики, в том числе интересующих нас скотоводческих терминов, внутри монгольской группы языков следует отметить работу В. И. Рассадина «О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков» [Рассадин, Трофимова, 2013]. Калмыцкий язык сохранил общемонгольскую и ойратскую скотоводческую лексику, что подтверждается сравнительным анализом с халха-монгольским, бурятским и старописьменным монгольским языками. Это исследование согласуется с работами других монголоведов, таких как Манджиева [2012].

Скотоводческая лексика в аспекте межтюркских связей традиционно активно разрабатывается также в тюркологии. По мнению большинства исследователей, «сопоставление лексики, относящейся к животноводству, по современным и древним тюркским языкам показывает значительную развитость специальной терминологии, а также половозрастной номенклатуры домашних животных, обозначений и мастей» [СИГТЯ, 2001, с. 424]. Причем эта терминологическая лексика в большинстве своем имеет монгольские параллели, причиной чего стало, как было отмечено выше, активное взаимодействие народов – носителей данных языков. По мнению исследователей, в этом взаимодействии «были периоды, когда оно становилось устойчивым и необычайно интенсивным» [Щербак, 1966, с. 21].

На наличие в якутском языке большого объема монгольских элементов, главным образом лексических, исследователи обратили внимание давно, начиная с крупнейшего российского востоковеда В. В. Радлова (1908). Сравнение лексического состава якутского языка с другими языками алтайской семьи на основе имеющегося то время материала было представлено в фундаментальном труде О. Н. Бётлингга «О языке якутов» (1851). В словаре якутско-немецкого языка, который прилагается к этому труду, содержится около 5 тысяч лексических единиц с параллелями из различных языковых систем. В качестве примера можно привести слово *буос* в якутском языке, означающее «беременная, стельная, жеребая». Для этого слова в словаре указаны не только тюркские параллели, но и соответствия в письменно-монгольском языке с тем же значением [Бётлингк, 1990, с. 604]. Исследованию якутско-монгольских языковых связей посвятил свою работу В. И. Рассадина. В специальном разделе монографии «Монголо-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках», который называется «Монголизмы в якутском языке», он приводит около 2 500 слов, заимствованных из монгольского языка, что «составляет около 10 % современного словарного состава» [Рассадин, 2008, с. 90]. Рассмотрев их по тематическим группам, В. И. Рассадина установил в якутском языке «наличие довольно большого количества слов, обозначающих различные реалии местного ландшафта, природных явлений и фауны, названия животных, частей тела» [Там же, с. 77].

Н. К. Антонов [1971] выявил, что основная лексика якутского языка по наименованиям домашнего скота исконно тюркская, в то время как термины оседлого скотоводства почти полностью монгольские. Г. В. Попов [1989] отметил схождения между якутским и калмыцким языками в основах монгольского происхождения. Ю. И. Васильев привел якутские названия скота с монгольскими параллелями, например: *байтаһын* ‘яловая кобылица’, *субай* ‘яловый, бесплодный’, *тугут* ‘телёнок’ (ЯМЛП, 2007, с. 12–32). Как видно из вышеизложенного, половозрастные наименования рогатого скота якутского языка не получили еще системного анализа. Целью нашей статьи является систематизация лексем этой тематической группы в сопоставлении с лексическими данными других тюркских и монгольских языков с установлением конкретных лексических параллелей.

Материалы и методы исследования

Лексические исследования позволили составить обширные словари монгольских и тюркских языков, в которых зафиксированы слова, отражающие основные аспекты жизни, особенно хозяйственной деятельности носителей этих языков. В качестве источников использовались такие словари, как «Древнетюркский словарь» (ДТС, 1968), «Этимологический словарь алтайских языков» (EDAL, 2003), «Словарь якутского языка» (Пекарский, 1958–1959), «Этимологический словарь якутского языка» (Попов, 2003), «Большой толковый словарь якутского языка» (БТСЯЯ, 2004–2018), а также переводные словари: «Большой академический монгольско-русский словарь» (БАМРС, 2001–2002), «Бурятско-русский словарь» (БРС, 2006; 2008), «Калмыцко-русский словарь» (КалмРС, 1977), «Кумыкско-русский словарь» (КумРС, 1969), «Тувинско-русский словарь» (ТувРС, 1955). Авторы основывались на результатах сравнительно-исторических исследований, представленных в коллективном труде «Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика» [СИГТЯ, 2001], а также на других работах, посвященных тюрко-монгольским языковым связям.

В статье применяется комплекс лингвистических методов, включающий сравнительно-исторический анализ и систематизацию лексики по тематическому принципу. Лексические единицы объединяются на основе их семантической связанности. Для выявления общих черт в содержании якутских лексем и лексем других тюркских и монгольских языков проводится их сравнение.

Результаты

В якутском языке существует общее название домашнего скота *сүөһү*, которое включает слова, обозначающие как коров, так и лошадей. Например, *ынах сүөһү* переводится как «рогатый скот», а *сылгы сүөһү* – как «конный скот». Рогатый скот подразделяется на *ынах* (корова) и *обус* (бык) в зависимости от пола. Внутри эти группы лексики разделяются по возрастному признаку: названия молодняка – бычков и телят от первых дней до 4 месяцев (телята-молочники), от 4 до 8 месяцев (телята младших возрастов), в возрасте старше трех лет (взрослые).

Наименования рогатого скота по половому признаку. Как было сказано выше, в эту группу входят две лексемы.

1. Слово *ынах* ‘корова’ имеет параллели в других тюркских языках: др.-тюрк. *inäk-inäk*, др.-уйг., ср.-уйг. *ingäk*; тур., гаг. *inek*; аз. *inäk*, кирг. *inek*, алт. *inek, nek*, тув., тоф. *inäk* [СИГТЯ, 2001, с. 436]. По мнению тюркологов, эта лексема «не обладает видовым значением и относится только к самке» [Щербак, 1961, с. 97]. Приведенные тюркские основы имеют закономерные фонетические и семантические параллели в монгольских языках начиная со старописьменного: калм. *унэн* ‘корова’, ст.письм.-монг. *üniyen* ‘дойная корова’, х.-монг. *унээ*, бур. *үнеэн* в значении ‘корова’ [Рассадин, Трофимова, 2013, с. 33].

Якутская лексема *обус* ‘самец крупного рогатого скота, бык’ также имеет общетюркское происхождение и семантические параллели в тюркских языках: др.-тюрк. *öküz* (< пратюрк. **(h) ökez*, тат. *үгез*, чув. *вăкăр*) [Там же, с. 33]. А. М. Щербак также считал, что в тюркских языках исконным значением слова *огуз* было ‘бык’ вообще, ‘холощенный бык’, ‘бык-производитель’ [Щербак, 1961, с. 99]. Современный якутский сохранил это же значение. Большой толковый словарь якутского языка также сравнивает его с тюрк. *өкүз, өгиз* (БТСЯЯ, 2010, с. 221). В монгольских языках данное слово представлено в фонетически и семантически измененном виде: калм. *үкр* ‘корова’, ср. ст.письм.-монг. *üker*, х.-монг., бур. *үхэр* ‘крупный рогатый скот’ [Рассадин, Трофимова, 2013, с. 33]. А. М. Щербак считал, что фонетическая перестройка этого слова в п.-монг. – «результат взаимодействия общемонгольского языка с группой Р», т. е. здесь наблюдается явление ротацизма [Щербак, 1961, с. 98]. Якутскому языку известно также сочетание *атыыробус* ‘выхолощенный бык; бык-самец’. Ср. *атыыр*

обычно сопоставляется с тюрк. *айгыр, азгыр, асхыр, адгыр* ‘жеребец’ и возводится к корню **ай – аз – ад* ‘возбуждаться (похотью)’, ‘покрывать (о животных)’ + *-кыр, -бар* (аффикс носителя процесса) (Попов, 2003, с. 98).

В якутском языке наряду с литературным названием быка *обус* известно устаревшее *буза* ‘бык, бык-производитель’ (БТСЯЯ, 2005, с. 476). В «Сравнительно-исторической грамматике тюркских языков» в тематической группе «Крупный рогатый скот. Бык / Корова» для наименования быка приведено слово **buqa*, известное из языка орхонских памятников и других источников. Оно имеет несколько взаимосвязанных значений: «бык, нехолощенный самец коровы, бык-производитель; дикий бык; кабан; инструмент, воспроизводящий рев быка» и т. д. [СИГТЯ, 2001, с. 437]. Исследователи считают «установленным, что системы значений и фонетические формы названий самцов крупного рогатого скота (**buqa*), лося, изюбря, оленя и верблюда пересекаются, что дает основание исследователям видеть в них единый корень **буз*, вероятно, оноματοпоэтического характера – подражание реву лося, изюбря, оленя в период гона» [Там же]. В списке слов тематической группы «Дикие животные», «надежно реконструируемых для пратюркского состояния и имеющих надежные алтайские параллели» [Там же, с. 151], присутствует лексема **bugu*, которая в тюркских языках в разных фонетических вариантах отмечена в значении «олень – во всех источниках; самец оленя – чаг., ног., ккалп., кирг.» [Там же, с. 152].

А. М. Щербак сравнил данное слово с монгольским *бух(а)*, маньчжурским *мухашан* в значении ‘бык, бык-производитель’ и обратил внимание на то, что в тюркских языках оно служило в качестве «специального слова, обозначающего понятие ‘бык-производитель’» [Щербак, 1961, с. 99]. Во многих современных тюркских языках и их диалектах, например в алтайском, слово *буха / бука* сохранилось в этом же значении [Алмадакова, 2018, с. 10].

К слову сказать, в современном монгольском однокоренное с ним слово *буга* отмечено в значении ‘олень, изюбр, марал’. Оно активно образует сочетания, обозначающие разновидности оленя: *дайр буга* ‘олень-самец’; *турагбуга* ‘большой олень с рыжей шерстью’; *цаабуга* ‘полярный, северный олень’; *цөхбуга* ‘олень трёхлетний’ (БАМРС, 2001, с. 417). Интересно, что в говорах якутского языка сохранился вариант *бугу*, который сохранил старое значение ‘изюбр-самец’ (ДСЯС, 1995, с. 55). В целом якутское *буза* можно считать рефлексом общего тюрко-монгольского языкового достояния, претерпевшим семантические изменения.

Наименования рогатого скота по возрастному признаку. В якутском языке имеются следующие обозначения коровы *ынах* по данному признаку: *ньирэй* ‘телёнок’, *торбос* ‘телёнок крупного рогатого скота до шестимесячного возраста’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 74), *бороон / борооску* ‘телёнок (после четырех-пяти месяцев до 2 лет)’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 19), *тыһаһас* ‘двухгодовалый бычок или телка’ (БТСЯЯ, 2014, с. 411), *тингэһэ* ‘молодняк крупного рогатого и конского скота на третьем году жизни’ (БТСЯЯ, 2013, с. 361), *бургунас* ‘1. Нетель (еще не отелившаяся, трехтравая); 2. Первотелка (молодая корова трех-четырёх лет)’ (ЯРТСЖ, 2022, с. 22).

Рогатый скот первого года жизни (или первого возрастного разряда) представлен прежде всего лексемой *ньирэй* ‘телёнок’, имеющей общеалтайский корень, рефлекс которого известен практически во всех языках этой семьи. К якут. *ньирэй* по значению близко монгольское *nirai* ‘новорожденный’, оно и сопоставляется в словарях с якутским (EDAL, 2003, р. 988). БТСЯЯ правомерно приводит для сравнения монг. *нярай* ‘родившийся недавно’ (БТСЯЯ, 2010, с. 118). В современном монгольском языке оно имеет два значения и обозначает не только возраст скота: ‘1. новорожденный, младенец; родившийся недавно; 2. новый, свежий (о съедобном)’ (БАМРС, 2001, с. 335).

В этот же возрастной разряд входит якут. *торбос*, которое сравнивается с сибирскими тюркскими: алт. *торбок* ‘бычок по второму году’, хак. *торбах* ‘телёнок по второму году’ (БТСЯЯ, 2013, с. 469). А. М. Щербак отметил общетюркскую основу *торпак* в разных значениях, относящихся к молодняку рогатого скота (‘бычок, по второму году; годовалый телёнок; двухлетний бычок; телёнок по второму году’) и считал, что «к слову *торпак* примыкает

якутское *торбос* ‘телёнок’» [Щербак, 1961, с. 102]. Таким образом, можно сказать, что якутское слово *торбос* имеет тюркское происхождение.

Следующее слово, входящее в данную группу – *бороон* / *борооску*, определяется как ‘телёнок в первую зиму (в период стойлового содержания)’ (БТСЯЯ, 2005, с. 395). Оно, по мнению исследователей, происходит от общеалтайской основы, которая имеет следующие монгольские и тюркские рефлексy: «PMong. **birayu* ‘телёнок (1 года)’; PTurk. **bu’u-gu* ‘calf (телёнок)’» (EDAL, 2013, р. 354). В данном словаре якутское *бороон* / *борооску* не отмечено как восходящее к этому корню. Но представляется справедливым толкование этого слова, данное А. М. Щербаком. По его мнению, оно сопоставимо с общетюрк. *бузагı*, которое «имеет обобщенное значение ‘телёнок’ и вместе с тем является возрастным наименованием телёнка первой возрастной группы, т. е. от рождения до года» [Щербак, 1961, с. 100]. По поводу значения этой лексемы здесь отмечено, что оно «должно рассматриваться как слово, обозначавшее молодняк коровы в том возрасте, когда происходит линька и потемнение шерсти, ср. як. *боруоску* ‘телёнок с потемневшей шерстью’, ‘телёнок после четырех-пяти месяцев’» [Там же]. Однокоренное с *бороон* / *борооску* слово зафиксировано также в современном бурятском: *буруу(н)* ‘годовалый телёнок’ (БРС, 2006, с. 155). Данное слово из бурятского попало и в русские диалекты Сибири: «рус. забайкал. *бурун* ‘телёнок по второму году’ < бур. *буруун* ‘тёлка-двухлетка’, *буруу* ‘телёнок до года; в возрасте до одного года’» (Аникин, 2000, с. 145).

Названия рогатого скота второго года жизни в якутском языке представлено словом *тыһаҕас* ‘двухгодовалый бычок или тёлка’. Оно сопоставимо с тюркскими основами: *тисэк* ‘двухгодовалая овца’ (ДТС, 1969, с. 563), ср. кирг. *тысак* ‘двухлетний баран’ (БТСЯЯ, 2014, с. 109). Как видно из приведенного материала, в других тюркских языках оно имеет другое семантическое наполнение. В монгольских языках оно, по всей видимости, параллелей не имеет: бур. *хашиараг* ‘двухгодовалый телок, двухлетний бычок’ (БРС, 2008, с. 418).

Для обозначения молодняка третьего года жизни вне зависимости от пола в якутском языке используется слово *тингэһэ* ‘молодняк крупного рогатого и конского скота на третьем году жизни’ (БТСЯЯ, 2013, с. 365). Оно сравнивается с др.-тюрк. *тишэк* ‘двухгодовалая овца’ (ДТС, 1969, с. 563). В монгольских языках однокоренное слово в том же значении не обнаружено.

К этой же группе можно отнести якут. *бургунас*, в значении которого присутствует указание на трехлетний возраст. Н. К. Антонов сопоставил это слово с монгольскими: монг. *боргоших*, бур. *боргошохо* [Антонов, 1971, с. 37].

В якутском языке молодняк рогатого скота до трех лет специальных названий по половому признаку не имеет: слова *ньирэй*, *торбос*, *тыһаҕас*, *бороон* / *борооску* относятся к особям обоих полов. Поэтому основное название уточняется словом, указывающим на пол животного: *тыһы* ‘особь женского пола, самка’ (БТСЯЯ, 2014, с. 410): *тыһы ньирэй* ‘телёнок-самка’, *обус* ‘самец крупного рогатого скота, бык’: *обус борооску* ‘телёнок-бычок’; *обус тыһаҕас* ‘годовалый бычок’. Во всех тюркских и монгольских языках существует схожий метод обозначения пола животных. Например, в калмыцком языке для указания на мужской пол животного к его основному названию добавляют слово *эр* ‘самец’ (это слово ставится перед названием животного, чтобы обозначить его мужской пол) [Корнеева, 2020, с. 145].

Единственное якутское слово, содержащее обозначение возраста быка, – *кунан* ‘молодой бычок (трех-четырёх лет)’ (БТСЯЯ, 2007, с. 480). Оно, судя по материалам, знакомо как тюркам, так и монголам, и относится не только к рогатому скоту, но и к лошадям. Как отметил А. М. Щербак, тюрк. *гунан* «относится к третьей возрастной группе, в которую входит молодняк лошади двух-трех лет... может выражать в пределах указанной возрастной группы принадлежность к определенному естественному полу. Выступает также в сочетании со словами, обозначающими молодняк других животных, прежде всего коровы» [Щербак, 1961, с. 93]. Оно широко распространено и в монгольских языках для обозначения молодняка ко-

ров и коней обоих полов: тув. *хунан* ‘телёнок; жеребёнок и телёнок на третьем году (самец и самка)’ (ТувРС, 1955, с. 494), бур. *гунан* ‘трёхгодовалый, трёхлетний (о самцах крупных домашних животных)’ (БРС, 2006, с. 223), бур. *гунжан* ‘трёхлетняя, трёхгодовая’ (о самках крупного рогатого скота) (БРС, 2006, с. 223).

Как известно, большое значение для скотоводства имеет возможность получения приплода и, соответственно, молока и мяса. Поэтому в языках тюрков и монголов широко употребляются названия и по данному признаку, они указывают попутно и на возраст скота. Для обозначения не телившейся коровы и другого домашнего скота в якутском языке употребляется слово *кытарах* ‘яловая’: корова, не давшая потомство, называется *кытарах ынах* ‘яловая трех-четырёхлетняя корова’, нежеребую кобылу именуют *кытарах биэ* (БТСЯЯ, 2008, с. 388). В толковании этого слова в якутском языке указано также: *төрүү сылдьан баран быйыл төрөөбөтөх (сүөһү, кыыл туһунан)* ‘ранее рожавшая, но не принесящая плод в этом году (о скоте, животном)’ (БТСЯЯ, 2008, с. 233).

Якутское *субан* употребляется для обозначения скота, не приносящего молоко: ‘не дойный (о скоте)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 93). Исконным значением данного слова скорее всего является ‘молодой (о домашней живности, о птицах)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 93). И относится оно не только к корове, но и к другим животным и человеку: кирг. *жубан* ‘молодая женщина, молодка, красотка’, туркм. *жуваан* ‘молодой, юный’, *дьүван* ‘юноша, молодец’ (ДТС, 1969).

В значении ‘яловая’, т. е. для обозначения бесплодного в данном сезоне скота, носителям якутского языка известна лексема *субай*. Она имеет общую тунгусско-монгольскую праоснову *sub, которая дала следующие семантические рефлексy: пратунг. *олёнёнок-однолетка* и прамонг. *яловая (корова, кобыла)* (EDAL, 2003, р. 1312). Из современных языков одно-коренная основа без изменения в фонетической структуре и семантике сохранилась в монгольских и тюркских языках Сибири: монг. *сувай* 1) ‘яловый, нестельный (о скоте)’ (БАМРС, 2001, с. 581), бур. *хубай* ‘яловый, нестельный’ (БРС, 2008, с. 563); тув. *субай* ‘жеребая’, хак. *субай* ‘бесплодный (о скоте)’, алт. *субай* ‘яловая, без детёныша (о животных)’ (БТСЯЯ, 2012, с. 92).

Для обозначения беременной самки животных в якутском языке применяется слово *буос* ‘стельная’ (о корове), жеребая (о кобыле), беременная (о самках некоторых животных). В словаре для сравнения приведены тюркские основы *боос*, *бобаз* (БТСЯЯ, 2005, с. 548), которые известны многим тюркским языкам, например: тув. *боос* ‘жеребая, стельная, суягная’ [Бадарч, 2009, с. 14]. Н. К. Антонов сопоставлял его с монгольскими *боос*, *боод* [Антонов, 1971, с. 37]. Это дает основание считать, что якутская лексема *буос* сохранила общее тюрко-монгольское значение.

В этом же значении ‘стельная’ (о корове), жеребая (о кобыле), беременная (о самках некоторых животных) в якутском языке известно слово *уулаах* (БТСЯЯ, 2015, с. 364). Оно образовано от лексемы *уу* в значении ‘зародыш животного’ (БТСЯЯ, 2015, с. 348).

Носители якутского языка различают скот и по количеству отёлов. Так, для обозначения первородящей самки употребляется лексема *тунгуй* ‘первородящая самка, новотёл’ (БТСЯЯ, 2014, с. 118), как видно из толкования, она относится не только к домашнему скоту, но и ко всем животным. Слово имеет широкую палитру значений: кроме первого в словаре отмечены еще ‘2. Не имеющий жизненного опыта, совсем юный, невинный, чистый; 3. Нетронутый никем, первозданный (например, о земле, почве)’ (БТСЯЯ, 2014, с. 118). Слово *тунгуй* в современном якутском языке довольно активно образует сочетания: *оьо тунгуй* ‘совсем юный, невинно-чистый’, *уу тунгуй* ‘нравственно чистый, невинный, непорочный’. Данная основа известна многим тюркским языкам в близком к якутскому значении: кум. *тунгуч*, уйг. *тунгуй* ‘первенец (о ребёнке)’ (БТСЯЯ, 2014, с. 119).

В якутском языке также имеется лексема, обозначающая самку животного, приносящую плод не один раз: *үтүрүм* ‘телившаяся подряд несколько лет (например, корова)’ (БТСЯЯ, 2015, с. 575). Слово это можно возвести к основе *үтүр*, которая к настоящему времени претерпела семантический сдвиг в значении ‘такой, которого хватает надолго, несмотря

на малое количество, сытный (например, *о еде*)' (БТСЯЯ, 2015, с. 575). Э. К. Пекарский дал толкование лексемы *үтүрүм* 'дойная корова, обегавшаяся' (Пекарский, 1958–1959, т. 3, стб. 3204). Н. К. Антонов сравнил эту лексему с бур. *үдэрлэхэ* 'доить коров днём' [Антонов, 1971, с. 37]. Это же значение отмечено в БРС (2008, с. 326).

В ходе исследования половозрастных номинаций рогатого скота в якутском языке, а также их сопоставления с тюркскими и монгольскими языками, подтвердилась гипотеза о значительном количестве общеалтайских параллелей в этой лексической группе. В частности, из 17 проанализированных слов 10 имеют семантически схожие основы как в монгольских, так и в тюркских языках. Однако фонетическое оформление и значения трех единиц позволяет предположить о существовании активных якутско-бурятских контактов в сфере скотоводства. В то же время базовая часть данных лексем возводится к общеалтайской основе, что подтверждает активное взаимодействие народов – носителей данных языков.

Изучение лексики базовой материальной культуры, в том числе животноводческой, представляет несомненный научный интерес в сравнительном аспекте и в плане выявления универсальных закономерностей развития лексических единиц.

Список сокращений

аз. – азербайджанский, алт. – алтайский, бур. – бурятский, гаг. – гагаузский, др.-тюрк. – древнетюркский, др.-уйг. – древнеуйгурский, калм. – калмыцкий; кирг. – киргизский, ккалп. – каракалпакский, кум. – кумыкский, монг. – монгольский, ног. – ногойский, общетюрк. – общетюркское, п.-монг. – письменно-монгольский, пратюрк. – пратюркский, пратунг. – пратунгусский, прамонг. – прамонгольский, рус. забайкал. – русский, забайкальский говор, ст.письм.-монг. – старописьменный монгольский, ср.-уйг. – среднеуйгурский, тат. – татарский, тоф. – тофаларский, тув. – тувинский, тур. – турецкий, туркм. – туркменский, тюрк. – тюркский, уйг. – уйгурский, хак. – хакасский, х.-монг. – халха-монгольский, чаг. – чагатайский, чув. – чувашский, якут. – якутский

Список литературы

- Алмадакова Н. Д. Названия крупного и мелкого рогатого скота в тёлёском (чолушманском) говоре улаганского диалекта теленгитского языка (в сопоставительном аспекте) // Вопросы диалектологии. 2018. № 1–2. С. 7–15.
- Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск, Якут. кн. изд-во, 1971. 173 с.
- Бадарч Б. Лексика животноводства в цэгэльском диалекте тувинского языка: в сравнительно-сопоставительном аспекте. Новосибирск, 2009. 25 с.
- Бётлингк О. Н. О языке якутов / Пер. с нем. В. И. Рассадина. Новосибирск: Наука, 1990. 646 с.
- Корнеева А. Х. К вопросу о половозрастной дифференциации домашних животных (на материале калмыцкого и китайского языков) // Монгольские языки и письменная культура монгольских народов: Материалы II Междунар. конф. по монг. языкознанию. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 143–149.
- Манджиева В. Н. Комплекс животноводческой лексики калмыцкого языка // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6 (16). С. 209–211.
- Попов Г. В. Лексика монгольского происхождения в якутском языке // Якутский язык: лексикология, лексикография: Сб. науч. тр. Якутск, ЯНЦ СО АН СССР, 1989. С. 43–51.
- Рассадин В. И. Очерки по истории сложения тюрко-монгольской языковой общности. Часть II. Монгольское влияние на лексику тюркских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. 243 с.

- Рассадин В. И.** О тюркском влиянии на сложение комплекса скотоводческой лексики монгольских языков // Учен. зап. ЗабГПУ. Филология. История. Востоковедение. 2009. С. 158–164.
- Рассадин В. И., Трофимова С. М.** О некоторых пластах лексики калмыцкого языка в контексте монгольских языков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2013. 136 с.
- СИГТЯ – Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М.: Наука, 2001. 821 с.
- Щербак А. М.** Историческое развитие лексики тюркских языков. Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 172 с.
- Щербак А. М.** О характере лексических взаимосвязей тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских языков // Вопросы языкознания. 1966. № 3. С. 21–35.

Список словарей

- Аникин А. Е.** Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
- БАМРС – Большой академический монгольско-русский словарь: В 4 т. М., 2001. Т. 1: А–Г. 520 с.; Т. 2: Д–О. 536 с.; Т. 3: Ё–Ф. 440 с.; 2002. Т. 4: Х–Я. 532 с.
- БТСЯЯ – Большой толковый словарь якутского языка / Под ред. П. А. Слепцова. Новосибирск: Наука, 2004. Т. 1. 680 с.; 2005. Т. 2. 909 с.; 2006. Т. 3. 841 с.; 2007. Т. 4. 708 с.; 2008. Т. 5. 613 с.; 2009. Т. 6. 519 с.; 2010. Т. 7. 517 с.; 2011. Т. 8. 572 с.; 2012. Т. 9. 630 с.; 2013. Т. 10. 639 с.; 2014. Т. 11. 525 с.; 2015. Т. 12. 596 с.; 2016. Т. 13. 638 с.; 2017. Т. 14. 590 с.; 2018. Т. 15. 576 с.
- БРС – **Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.** Бурятско-русский словарь: В 2 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2006. Т. 1: А–Н. 636 с.; 2008. Т. 2: О–Я. 708 с.
- ДТС – Древнетюркский словарь / В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, 1969. 676 с.
- ДСЯС – Диалектологический словарь языка саха. Новосибирск: Наука, 1995. 294 с.
- КалмРС – Калмыцко-русский словарь. М.: Рус. яз., 1977. 768 с.
- КумРС – Кумыкско-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 408 с.
- Пекарский Э. К.** Словарь якутского языка: В 3 т. 2-е изд. М.: Изд-во АН СССР, 1958–1959. Т. 1. 1280 стб.; Т. 2. 1281–2508 стб.; Т. 3. 2509–3858 стб.
- Попов Г. В.** Этимологический словарь якутского языка. Новосибирск: Наука, 2003. Ч. 1: А–Дь. 178 с.
- ТувРС – Тувинско-русский словарь. М., 1955. 718 с.
- ЯМЛП – Якутско-монгольские лексические параллели: Словарь / Сост. Ю. И. Васильев-Дьаргыстай. Якутск: Дани Алмас, 2007. 37 с.
- ЯРТСЖ – Якутско-русский терминологический словарь. Животноводство. Якутск, 2022. 135 с.
- EDAL – **Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of Altaic Languages. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003. 1556 p.

References

- Almadakova N. D.** Nazvaniya krupnogo i melkogo rogatogo skota v teleskom (cholushmanskome) govore ulaganskogo dialekta telengitskogo yazyka (v sopostavitel'nom aspekte) [Names of Cattle and Small Livestock in the Tyolyo (Cholushman) Dialect of the Ulagan Dialect of the Telengit Language (in a Comparative Aspect)]. *Voprosy dialektologii* [Questions of Dialectology], 2018, no. 1–2, pp. 7–15. (in Russ.)
- Antonov N. K.** Materialy po istoricheskoi leksike yakutskogo yazyka [Materials on the Historical Lexicon of the Yakut Language]. Yakutsk, 1971, 173 p. (in Russ.)

- Badarch B.** Leksika zhivotnovodstva v tsegel'skom dialekte tuvinskogo yazyka: v sravnitel'no-so-postavitel'nom aspekte [Animal Husbandry Vocabulary in the Tsegel Dialect of the Tuvan Language: In a Comparative Aspect]. Novosibirsk, 2009, 25 p. (in Russ.)
- Betlingk O. N.** O yazyke yakutov [On the Yakut Language]. Transl. from German by V. I. Rassadin. Novosibirsk, Nauka, 1990, 646 p. (in Russ.)
- Korneeva A. Kh.** K voprosu o polovozrastnoi differentsiatsii domashnikh zhivotnykh (na material kalmytskogo i kitayskogo yazykov) [On the Issue of Sex and Age Differentiation of Domestic Animals (Based on the Material of the Kalmyk and Chinese languages)]. In: Mongol'skie yazyki i pis'mennaya kul'tura mongol'skikh narodov. Materialy II Mezhdunar. konf. po mong. yazykoznaniyu. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2020, pp. 143–149. (in Russ.)
- Mandzhieva V. N.** Kompleks zhivotnovodcheskoi leksiki kalmytskogo yazyka [The Complex of Cattle Breeding Vocabulary of the Kalmyk Language]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Social-Educational Thought], 2012, no. 6 (16), pp. 209–211. (in Russ.)
- Popov G. V.** Leksika mongol'skogo proiskhozhdeniya v yakutskom yazyke [Lexicon of Mongolian Origin in the Yakut Language]. In: Yakutski yazyk: leksikologiya, leksikografiya [The Yakut Language: Lexicology and Lexicography]. Collection of Scientific Papers. Yakutsk, YaSC SB AS USSR, 1989, pp. 43–51. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** Ocherki po istorii slozheniya tyurko-mongol'skoi yazykovoi obshchnosti. Chast' II. Mongol'skoe vliyanie na leksiku tyurkskikh yazykov [Essays on the history of formation of the Turkic-Mongolian linguistic community. Part II. Mongolian influence on the vocabulary of Turkic languages]. Elista, Kalm. Uni. Press, 2008, 243 p. (in Russ.)
- Rassadin V. I.** O tyurkskom vliyani na slozhenie kompleksa skotovodcheskoi leksiki mongol'skikh yazykov [On the Turkic Influence on the Formation of the Complex of Pastoral Vocabulary in Mongolian Languages]. *Uchenye zapiski ZabGGPU. Filologiya. Istoriya. Vostokovedenie* [Scientific Notes of ZabSHPU. Philology. History. Oriental Studies], 2009, pp. 158–164. (in Russ.)
- Rassadin V. I., Trofimova S. M.** O nekotorykh plastakh leksiki kalmytskogo yazyka v kontekste mongol'skikh yazykov [On some Layers of the Kalmyk Language Vocabulary in the Context of the Mongolic Languages]. Elista, KalmSU Press, 2013, 136 p. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** Istoricheskoe razvitie leksiki tyurkskikh yazykov [Historical Development of the Vocabulary of the Turkic languages]. Leningrad, AS USSR, 1961, 172 p. (in Russ.)
- Shcherbak A. M.** O kharaktere leksicheskikh vzaimosvyazei tyurkskikh, mongol'skikh i tungusoman'chzhurskikh yazykov [On the nature of lexical relationships between Turkic, Mongolian and Tungus-Manchu languages]. *Voprosy lingvistiki* [Questions of Linguistics], 1966, no. 5, pp. 21–35. (in Russ.)
- Sravnitel'no-istoricheskaya grammatika tyurkskikh yazykov. Leksika [Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. Lexicon]. Moscow, Nauka, 2001, 821 p. (in Russ.)

List of Dictionaries

- Anikin A. E.** Etimologicheskii slovar' russkikh dialektov Sibiri: Zaimstvovaniya iz ural'skikh, altayskikh i paleoaziatskikh yazykov [Etymological Dictionary of Russian Dialects of Siberia: Borrowings from the Ural, Altaic and Paleo-Asiatic Languages]. Moscow, Novosibirsk, Nauka, 2000, 768 p. (in Russ.)
- Bol'shoi akademicheskii mongol'sko-russkii slovar' [Great Academic Mongolian-Russian Dictionary]. In 4 vols. Moscow, 2001, vol. 1: A–G, 520 p.; vol. 2: D–O, 536 p.; vol. 3: Ø–F, 440 p.; 2002, vol. 4: Kh–Ya, 532 p. (in Mong., in Russ.)
- Bol'shoi tolkovyi slovar' yakutskogo yazyka [Great Explanatory Dictionary of the Yakut Language]. In 15 vols. Novosibirsk, Nauka, 2004, vol. 1, 680 p.; 2005, vol. 2, 909 p.; 2006, vol. 3, 841 p.; 2007, vol. 4, 708 p.; 2008, vol. 5, 613 p.; 2009, vol. 6, 519 p.; 2010, vol. 7, 517 p.; 2011, vol. 8,

- 572 p.; 2012, vol. 9, 630 p.; 2013, vol. 10, 639 p.; 2014, vol. 11, 525 p.; 2015, vol. 12, 596 p.; 2016, vol. 13, 638 p.; 2017, vol. 14, 590 p.; 2018, vol. 15, 576 p. (in Yakut, in Russ.)
- Dialektologicheskii slovar' yazyka Sakha [Dialectological Dictionary of the Sakha Language]. Novosibirsk, Nauka, 1995, 294 p. (in Yakut, in Russ.)
- Drevnetyurkskii slovar' [Early Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Russ.)
- Kalmytsko-russkii slovar' [Kalmyk-Russian Dictionary]. Moscow, Russkii yazyk Publ., 1977, 768 p. (in Kalmyk, in Russ.)
- Kumyksko-russkii slovar' [Kumyk-Russian Dictionary]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969, 408 p. (in Kumyk, in Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M.** Drevnetyurkskii slovar' [Old Turkic Dictionary]. Leningrad, Nauka, 1969, 676 p. (in Old Turkic, in Russ.)
- Pekarsky E. K.** Slovar' yakutskogo yazyka [Dictionary of the Yakut Language]. In 3 vols. 2nd ed. Moscow, AS USSR Publ., 1958–1959. 3858 col. (in Yakut, in Russ.)
- Popov G. V.** Etimologicheskii slovar' yakutskogo yazyka [Etymological Dictionary of the Yakut Language]. Novosibirsk, Nauka, 2003, pt. 1, 178 p. (in Yakut, in Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M.** Buryatsko-russkii slovar' [Buryat-Russian Dictionary]. In 2 vols. Ulan-Ude, Respublikanskaya tipografiya, 2006, vol. 1: A–N, 636 p.; 2008, vol. 2: O–Ya, 708 p. (in Buryat, in Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.** An Etymological Dictionary of Altaic Languages. With the assistance of I. Gruntov and V. Glumov. Leiden, 2003, 1556 p.
- Tuvinsko-russkii slovar' [Tuvan-Russian Dictionary]. Moscow, 1955, 718 p. (in Tuvan, in Russ.)
- Vasiliev-Dyargystay Yu. I.** (comp.). Yakutsko-mongol'skie leksicheskie paralleli [Yakut-Mongolian Lexical Parallels]. Dictionary. Yakutsk, Dani Almas Publ., 2007, 37 p. (in Yakut, in Russ.)
- Yakutsko-russkii terminologicheskii slovar'. Zhivotnovodstvo [Yakut-Russian Terminological Dictionary. Animal husbandry]. Yakutsk, 2022, 135 p. (in Yakut, in Russ.)

Информация об авторах

Надежда Ивановна Данилова, доктор филологических наук

WoS Researcher ID B-4989-2016

RSCI Author ID 308308

SPIN 4655-9439

Федор Николаевич Дьячковский, кандидат филологических наук

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Information about the Authors

Nadezda I. Danilova, Doctor of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID B-4989-2016

RSCI Author ID 308308

SPIN 4655-9439

Fedor N. Diachkovskiy, Candidate of Sciences (Philology)

WoS Researcher ID K-5080-2018

RSCI Author ID 316559

SPIN 3309-1564

Вклад авторов

Н. И. Данилова – участие в подготовке основной части текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала, анализ источников, основные выводы.

Ф. Н. Дьячковский – участие в подготовке основной части текста, разработка методики исследования, сбор и систематизация языкового материала, анализ источников, основные выводы.

Contribution of the Authors

Nadezda I. Danilova – participated in the preparation of the main body of the text, developed the research methodology, collected and structured linguistic material, analyzed the sources, and formulated the main conclusions.

Fedor N. Diachkovskiy – participated in the preparation of the main body of the text, developed the research methodology, collected and structured linguistic material, analyzed the sources, and formulated the main conclusions.

*Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 23.03.2024; принята к публикации 20.03.2024
The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 23.03.2024; accepted for publication 20.03.2024*